ОБРАЗ И ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ УЧИТЕЛЯ (НА ПРИМЕРЕ РАССКАЗОВ А.П. ЧЕХОВА «УЧИТЕЛЬ СЛОВЕСНОСТИ» И «СКУЧНАЯ ИСТОРИЯ»)

А.И. Тимофеева

ЧОУ «Тульская Православная классическая гимназия»

(Тула, Россия)

ivimavi7@rambler.ru

Основная цель данной статьи – познакомить читателей с языковым воплощением образа учителя в рассказах А.П. Чехова. Языковая личность героев художественных произведений в последние десятилетия часто становится предметом тщательного лингвистического и литературоведческого анализа. А.П. Чехов, называемый мастером юмористических рассказов, стремится привнести в образы героев-представителей различных профессий определённые черты, свойственные только им, но в то же время отвечающие жанру самого произведения. Внимание к деталям, множество художественных подробностей являются отличительной чертой творчества этого писателя. Каждый образ прорабатывается Чеховым на всех уровнях: структурном, семантическом и языковом (тезаурусном). Именно поэтому произведения А.П. Чехова, послужившие эмпирическим материалам проведённого исследования, вызывают научный интерес и у литературоведов, и у лингвистов. Языковая личность учителя в рассказах Чехова формируется в соответствии с теми задачами, которые ставит перед собой писатель в момент создания произведения (например, юмористический рассказ, мемуары и т.д.). Анализ особенностей речи персонажа, словесного портрета героя позволяют выявить отличительные черты языка Чехова и сформировать представление о писателе, как о мыслителе и исследователе родного языка, а работа с семантическим уровнем языковой личности позволяет размышлять о нравственно-этическом потенциале персонажей рассказов А.П. Чехова.

Ключевые слова: языковая личность, языковой образ учителя, Чехов, синтаксис, концептосфера, тезаурус.

1. ВВЕДЕНИЕ

Анализ художественного произведения, его сюжетных особенностей и системы образов является предметом и лингвистики, и литературоведения. Начиная с XIX века, в отечественной и зарубежной науке появляются исследования, пытающиеся объяснить связь автора и его героя. Выдвигаются термины «языковая картина мира», «языковая личность», которые до сих пор, к сожалению, не имеют общепринятой, однозначной трактовки. Именно поэтому исследование художественного текста с целью выявления особенностей художественного образа, определения характерных черт «языковой личности» представляется нам наиболее актуальным. Образ учителя, воспитателя по-разному раскрывался русскими писателями: А.С. Пушкиным, Л.Н. Толстым, Ф.М. Достоевским, И.С. Тургеневым, А.П. Чеховым и другими мастерами слова. Однако именно рассказы Чехова предоставляют исследователю возможность подробного

анализа языковой личности учителя. Одно из важнейших назначений произведений русского литературы – учительность, назидательность. Еще в Древней Руси житийные жанры рассказывали истории из жизни людей, которые служили примером для подражания. С течением времени строгие границы между положительными и отрицательными героями, которые существовали первоначально, практически размылись, и интересными для писателей и читателей стали герои, проходящие путь духовного развития. Однако исследователи понимают, что развитие героя возможно только благодаря влиянию на него других людей, благодаря их личному примеру или воспитательной деятельности. Поэтому на страницах рассказов, повестей, романов мы знакомимся с большим количеством героев-наставников, их роль в жизни воспитанника и в общей сюжетной линии произведения, на первый взгляд, может казаться незаметной, эпизодической, но подробные психолого-педагогические исследования доказывают, что на формирование достойной личности оказывают влияние все люди, находящиеся рядом с ребёнком в период его активного формирования. На страницах произведений А.П. Чехова герои-учителя встречаются довольно часто, что и позволяет нам выбрать несколько рассказов для подробного исследования.

Стоит отметить, что многозадачность прозы Чехова позволяет выявить особенности языкового воплощения героев (представителей одной профессии) в юмористических рассказах; рассказе, написанном в виде мемуаров и т.д. Именно поэтому объектом нашего исследования является языковая личность и художественный образ учителя в рассказах А.П. Чехова, предметом – компоненты различных уровней языковой личности героя-учителя. Цель и задачи нашего исследования – анализ языковой личности учителя в рассказах А.П. Чехова в рамках трёхуровневой структуры, предложенной в исследованиях современных лингвистов, и выявление специфики языковой личности учителя в разных рассказах писателя. Актуальность исследования определяется недостаточностью изучения связи тезаурусного и семантического уровней языкового воплощения героя-педагога в творчестве Чехова.

Основным источником эмпирического и теоретического материала исследования стали избранные рассказы А.П. Чехова, а также труды учёных-лингвистов, посвященные выбранной теме.

2. ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ОБЗОР

Поскольку наше исследование посвящено анализу языковой личности, следует предварительно осветить историю возникновения и разработки терминов «языковая картина мира» и «языковая личность». Современная наука стремится дать определение постоянно возникающим понятиям, активно используемым в диссертационных исследованиях, научных трудах. Разные подходы к речевой деятельности объясняют различные трактовки, именно поэтому интересно проанализировать мнения

современных лингвистов и сделать соответствующие выводы о том, каково отношение исследователей к используемым нами терминам.

Понятие «картина мира» широко используется не только в гуманитарных дисциплинах, но и в точных науках, философии, теологии, религиоведении. В.П. Даниленко и Л.В. Даниленко выделяют следующие «глобальные» картины мира: «религиозные, научные, художественные, нравственные, политические и языковые» [Сальникова, 2001]. Изучению «языковой картины мира» посвящены исследования Ю.Н. Караулова, Л.М. Васильева, Ю.Д. Апресяна, Г.В. Колшанского, В.В. Воробьёва, Е.С. Яковлевой и других. Они работают над тем, чтобы установить связь между территориальным расположением народов и особенностями их языка, культурными традициями и мышлением. В языке, на грамматическом и лексическом уровне, отражается человеческое видение окружающей действительности, осознание своего места в мире.

Языковую картину мира в научной среде принято называть «наивной», так как в ней отражаются только знания, полученные в результате различных житейских переживаний, вызванных конкретными событиями, обывательскими представлениями. Поэтому учёные зачастую противопоставляют её научному (опытному) восприятию действительности, основанному на выводах, приобретенных путем подробного, рационального анализа. Однако современная лингвистика, используя различные подходы, методы и типы исследования опровергает мысль о «наивности» и некоторой несостоятельности рассматриваемой картины мира.

Языковая картина мира неотделима от системы ценностей того или иного народа. «С.В. Иванова через четкое разграничение значений лексем определяет, что «языковая модель мира представляет языковые средства воплощения мировоззренческих категорий культуры. Языковая картина мира представляет приметы и явления окружающей действительности в их связях, целостности и многообразии, выраженные в языковых формах» [Кузьмина, 1990]. Особенности, охарактеризованные С.В. Ивановой, проявляются в классификации объектов, их лексической оценке, соотношении суждений с разными сюжетами и моральным кодексом, ассоциативном пересечении понятий. По мнению исследователей, так устанавливаются языковые константы, или, как иначе они называются в научной среде, доминанты. В рамках нашего исследования мы будем рассматривать языковую картину мира, сформировавшуюся в юмористических рассказах А.П. Чехова, поэтому стоит отметить, что писательская картина мира еще более сложный феномен, потому как в нем сочетается и общее, национальное восприятие действительности, и индивидуальные, творческие фантазии, элементы воображения. Высказывается мнение, что отсутствие общепринятой терминологии вызвано именно разностью трактовки так называемого языкового кода в произведениях. В своей работе мы выделяем несколько аспектов анализа писательской картины мира, которые кажутся нам наиболее интересными:

- 1) Характеристика особенностей индивидуального языка личности как определенного способа концептуализации мира;

- 2) Анализ языка на основе изучения текстов, созданных данной языковой личностью;
- 3) Описание концептосферы языковой личности требует создания концептуальной модели [Кузьмина, 1990].

Таким образом, мы можем отметить, что определенные черты языковой личности каждого автора в той или иной степени проявляются во всех написанных им произведениях, именно поэтому исследование творчества определённого писателя может дать представление о характерных для него концептах, помочь читателю определить творческие приоритеты создателя произведений. Зачастую именно языковая картина мира определённого писателя становится «творческой приманкой» для заинтересованного читателя.

Если *«языковая картина мира»* – это понятие, вполне закономерно появившееся в языке и анализируемое лингвистами на протяжении долгого времени, то термин *«языковая личность»* возник благодаря взаимодействию двух наук: литературоведения и психологии. В этом велика заслуга Е.Д. Поливанова, который распространил психологические категории на многие научные дисциплины, то есть одним из первых стал исследовать межнаучные связи. Использование различной терминологии, применение форм и методов исследования, присущих определённой дисциплине, в другой позволяет современным ученым более широко раскрывать анализируемую тему. Интерес же к психолингвистике проявился и в работах И.А. Бодуэна де Куртенэ. Его концепция предполагала отрицание историзма как основополагающего фактора развития личности на языковом уровне. Еще один лингвист, который размышлял над этим вопросом, – Ф. де Соссюр. Он утверждал, что языковая картина мира каждого человека формируется в соответствии с его приоритетами, мировоззренческими представлениями, особенности восприятия действительности. Также отмечал, что языковой знак всегда отображает какой-то образ, но, поскольку образ не может быть материален, теряется связь между предметом и его названием, то есть мир вещественный не всегда совпадает с его языковым воплощением.

Первым понятие *«языковая личность»* в отечественной лингвистике обосновал, а затем и исследовал В.В. Виноградов. Известный учёный называет образ автора «внутренним стержнем», который подчиняет себе стилистику произведения. Таким образом, В.В. Виноградов размышляет о некой классификации образов внутри художественного произведения. Языковая личность автора становится выше личности создаваемых писателем героев, так как мы анализируем их образы после авторской оценки. В своих трудах В.В. Виноградов предлагает нам анализировать произведение и представленных в нём героев, используя последовательный переход от внешних форм к внутренним (он их называет идеологическими). Только при таком переходе возможен анализ целого через его составляющие. Однако В.В. Виноградов еще не вводит самого

понятия «языковой личности», пока вместо него употребляется «образ автора». Литературоведы отмечают, что, поскольку наше мировосприятие основывается на образном мышлении, анализ характерных особенностей героев вызывает интерес у исследователей и читателей.

Стоит обратить внимание на выводы, сделанные в монографиях еще одним известным отечественным лингвистом – Г.О. Винокуром. Он пишет: «Исследуя язык писателя, мы вступаем на мост, ведущий от языка как чего-то неличного, общего, неиндивидуального к самой личности пишущего» [Винокур, 1959]. Иными словами, с помощью анализа языка повествователя и героя мы способны понять психологию автора, обратиться к его индивидуальности. Таким образом, характеристика литературного персонажа позволяет связать лексический уровень языка и мотивационную организацию психологии человека. Многие исследователи утверждают, что человек, являясь неотъемлемой частью истории и культуры своего народа, невольно приобретает менталитетные особенности, поэтому изучение конкретных культурных традиций и их влияния на языковую личность довольно частотно. Но в то же время для каждой национальности сохраняется свой тип личности в любую эпоху, несмотря на преобладание тех или иных сторон на разных временных отрезках. Однако стоит отметить, что все упомянутые выше лингвисты являлись лишь первоисследователями понятий «языковая картина мира» и «языковая личность». Интерес к языковой личности в современной науке вызван её ориентацией на антропоцентричность. Анализ данного понятия способен наглядно показать процесс интеграции разных областей лингвистической науки, литературоведения, психологии.

Наиболее распространённым, практически утверждённым в науке, можно считать определение «языковой личности», предложенное Ю.Н. Карауловым, опубликованное в энциклопедии «Русский язык»: «Любой носитель того или иного языка, охарактеризованный на основе анализа произведенных им текстов с точки зрения использования в этих текстах системных средств данного языка для отражения видения им окружающей действительности (картины мира) и для достижения определенных целей в этом мире» [Караулов, 2008]. Он же выделяет три уровня организации языковой личности: нулевой, первый и второй. *Нулевой* предлагает данные о языковом сознании в определенный момент времени, степень владения бытовым языком, простой лексикой. *Первый* уровень объединяет личность с обществом, в котором она находится, и рассматривает их социальные особенности. *Второй* – более индивидуальный, рассматривает психологические особенности конкретного персонажа и их связь со словарным запасом языка, «определяется индивидуальная иерархия смыслов и ценностей в языковой картине мира (прагматикон)» [Караулов, 2010]. Но лингвист также отмечает, что в конкретном тексте границы между этими уровнями могут быть размыты. Основываясь на классификации Ю.Н. Караулова, современный лингвист Л.Е. Бессонова отмечает, что каждая языковая личность уникальна, именно поэтому так важно изучение особенностей языковой личности на каждом уровне. И.В. Трещалина рассматривает такую же структуру языковой личности, как и Ю.Н. Караулов, но

немного с иной точки зрения. Она утверждает, что первый уровень (лексический) не может характеризовать особенности конкретной языковой личности, потому как владение им свойственно каждому. Второй – тезаурус, «лексикографическое отображение картины мира отдельного человека» [Трещалина, 1998], также скорее имеет отношение к языковым особенностям определённого народа. Высший уровень (прагматикон) переводит речевые оценки в осмысление реального действия, воспроизводимого в непосредственных условиях. На наш взгляд, трёхуровневое разделение условно, однако именно оно наиболее подробно и точно позволяет проанализировать образ, личность персонажа или нарратора в художественном произведении.

Существуют и другие подходы в исследовании *«языковой личности»*. Например, методический подход опирается на лингводидактику, а целевой сравнивает имеющиеся результаты с теми, которые были запланированы для успешной реализации поставленных проблем.

Основой, на которую опирается исследование *«языковой личности»*, является тезаурус и мотивационный уровень. Сейчас исследователями предпринимаются попытки составления функционального тезауруса различных произведений, например, произведений Л.Н. Толстого, А.П. Чехова, А.С. Пушкина и т.д. «Главным отличием функционального тезауруса от общезыкового является то, что в первом лексемы группируются не по сходству их семантики в языковой системе, а по смежности создаваемых ими смыслов в процессе развёртывания художественного текста или в творчестве автора» [Трещалина, 1998]. А.Н. Веселовский и Б.В. Томашевский определяют «мотив» (смысл) как неделимую, минимальную единицу повествования. Это понятие позволяет дробить тексты на небольшие тематические отрезки. Более того, именно на этом уровне мы можем определить источник коммуникативно-деятельностных потребностей литературного героя. Каждый человек в определенной коммуникативной ситуации основывается на своих знаниях и представлениях о мире, поэтому изучение этого уровня наиболее ценно при подробном анализе текста, изучении *«языковой личности»*.

Для характеристики каждого уровня мы будем использовать определенные словарные блоки, ключевые понятия и слова. «Ключевые слова воплощаются в сознании реципиента в виде «обобщённых смыслов», семантических комплексов, характеризующихся крайней сокращённостью» [Трещалина, 1998]. Мы всегда стремимся к нахождению скрытого смысла в тексте, идём по пути увеличения информационного восприятия, поэтому и выделяем ключевые слова, которые позволяют построить свою языковую теорию. Об этом говорил еще Н.И. Жинкин – он утверждал, что «смысловое восприятие осуществляется на уровне универсального кода, который является предметным по его сути, так как его элементы соотносятся не с

элементами поверхностной (языковой) сферы текста, а с теми предметами, явлениями действительности, которые эти языковые элементы описывают» [Жинкин, 1982]. Главное – установить правильные связи между символами языкового кода.

В нашей работе будут рассматриваться факторы, влияющие на процесс формирования «языковой личности», то есть непосредственно «личностное направление». В таком случае личность – это не только субъект речевого взаимодействия, но и создатель коммуникативной ситуации, поскольку развитая языковая личность владеет всеми единицами языка, их связями, моделями, а также основывается в своих действиях на культурно-историческом опыте своего народа.

Таким образом, для того чтобы исследовать языковую картину мира и языковые личности автора и его героя, необходимо учитывать множество данных: временной отрезок, социальную группу, ценностные ориентиры, психологические параметры. «Полученное в итоге подобное описание художественного текста будет отражать структуру художественного мира этого текста, и, соответственно, фрагмент поэтического мировоззрения автора» [Трещалина, 1998]. В нашем исследовании анализируются особенности языковой личности на трёх уровнях владения языком, основанных на классификациях современных лингвистов: вербально-семантическом; когнитивном или тезаурусном; мотивационно-прагматическом; а также выявляется связь между художественным образом и конкретной языковой личностью.

3. РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

В своём исследовании мы стремимся анализировать формальную, нравственную и языковую основу образа «учителя» в рассказах А.П. Чехова, потому как учитель был и остаётся человеком, к которому предъявляются повышенные требования, взаимоотношения которого с другими людьми всегда на виду. Каждая ошибка в педагогической деятельности или же в жизни героя становится поводом для оценки и обсуждения, поэтому в своих произведениях писатели изображают разные характеры, описывают трудности, возникающие в процессе обучения и воспитания, анализируют поступки своих персонажей. Это способствует как повышению, так и понижению статуса учителя в обществе.

В XIX веке интерес писателей к созданию произведений, раскрывающих образы «учителей», «преподавателей», «гувернёров» объясняется тем, что именно такие образы вызвали множество откликов читателей, давали почву для размышления. Неустойчивая система начального и среднего образования в России XVIII – XIX века приводила к тому, что юный дворянин до определённого момента мог обучаться только дома, под присмотром не профессионалов своего дела, а лишь гувернёров, обладателей небольшого багажа знаний, оказавшихся в доме случайно. В таком случае можно было лишь надеяться на порядочность и добросовестность воспитателей. Как правило, гувернёры проходящие персонажи, они не становятся концептуально значимыми героями в произведениях русской литературы. Стоит заметить, что в рассказах Чехова учитель не наделён какими-то особенными чертами личности, зачастую даже не

является героем-резонёром, а его языковая личность практически не отличается от языковой личности иных героев, однако именно такой образ учителя более других способен вызвать интерес у читателя. Мы отмечаем, что герои-учителя в рассказах А.П. Чехова появляются еще в гимназические годы, что убеждает нас в том, что на творчество писателя всегда оказывали влияние окружавшие его люди. В произведениях, написанных уже в более зрелом возрасте, образ учителя усложняется, дорабатывается, а его языковая личность становится более многогранной.

В рассказе «Учитель словесности» мы знакомимся сразу с двумя представителями учительской профессии: сюжетообразующим персонажем Никитиным и эпизодическим героем Ипполитом Ипполитовичем. Чехов раскрывает образы героев при помощи антитезы: живость, наполненность, решительность и эмоциональность Никитина противопоставлены холодности, прямолинейности, апатичности и закрытости учителя истории и географии.

Проанализировав *мотивационный уровень языковой личности* двух изображаемых Чеховым преподавателей, мы отмечаем, что учитель словесности сначала вызывает у читателя симпатию, хотя некоторый намёк на неуживчивость и раздражительность героя Чехов делает на первых страницах рассказа (эмоциональная реакция Никитина на замечание Шелестова о его «моложавости»): «Что за свинство! – подумал Никитин. – И этот считает меня молокососом!» [Чехов, 1967]. Автор не даёт нам возможности познакомиться с педагогом в самой ситуации преподавания, однако и не делает отрицательных замечаний на его счёт. Мы склонны полагать, что подобный приём Чехов использует для того, чтобы до определённого момента сконцентрировать внимание читателя на погружённости Никитина в личные проблемы, чтобы показать, что учительство отходит у героя на второй план, в то время как второй герой рассказа – Ипполит Ипполитович – монотонно, но ответственно продолжал выполнять свою работу.

Учитель географии и истории не отличался живостью реакции и говорил всегда «только о том, что уже давно известно» [Чехов, 1967]. Это предложение формирует образ Ипполита Ипполитовича на протяжении всего рассказа, даже на похоронах безвременно ушедшего учителя лишних слов сказано не было. Мы не можем утверждать, что учитель географии не был склонен к рефлексии, наоборот, может оказаться, что повышенная требовательность и страх совершить ошибку рождали боязливость и молчаливость героя. Ипполит Ипполитович не вызывает у читателя явно отрицательных эмоций, хотя ближе к концу рассказа главный герой называет его «тупым», мы не склонны к столь резкой оценке этого героя.

Следует отметить, что Никитин – герой, которому свойственна лабильность: его внутренне состояние, недовольство способны изменить отношение персонажа к важнейшим составляющим его жизни: семье и преподавательской деятельности (мы

также выделяем их в качестве основных составляющих концептосферы персонажа). Исследователю остаётся только предполагать: являются ли размышления о смене жизненного пути проявлением рефлексии героя, желанием изменить неправильно выстроенную жизнь, или же данные мысли – метания юной души, огорчённой некоторыми неприятными событиями: «я вовсе не педагог, а чиновник, такой же бездарный и безличный, как чех, преподаватель греческого языка; никогда у него не было призвания к учительской деятельности, с педагогией он знаком не был и ею никогда не интересовался, обращаться с детьми не умеет, значение того, что он преподавал, было ему неизвестно, и, быть может, даже он учил тому, что не нужно» [Чехов, 1967]. В любом случае Чехов предлагает своему герою выбор: уйти из профессии, продолжать службу или же изменить свою жизнь. Возможность такого выбора важна для понимания исследователями мотивационного уровня языковой личности героя.

Мы также обращаем внимание на то, что Чехов структурно делит рассказ на две части. Сначала мы узнаем о героях и их поступках от автора, а затем повествователем становится Никитин, подобная смена нарративной роли объясняется желанием Чехова раскрыть читателю истинное лицо своего героя. Нам же эта смена позволяет наиболее точно проследить особенности языкового воплощения учителя.

Для языковой личности Никитина характерна частая смена и переплетение времён: прошедшего, настоящего и будущего (это может свидетельствовать о высокой степени рефлексии персонажа). Более того, в рассказе мы наблюдаем переплетение реальности и вымышленного мира: так, сон Никитина становится частью повествования. Ситуации в каждой главе выстраиваются таким образом, что способны продемонстрировать внутреннее становление личности данного героя. Схема эпизодов следующая:

- первичное ощущение;
- внутренний монолог;
- противоборство двух точек зрения и впечатление героя;
- рефлексия (например, диалог Никитина с Варей или ссоры Никитина с Машей).

В описании ситуаций, происходящих с героем, встречаются образные фигуры речи, которые свидетельствуют об организованной речевой деятельности и богатом тезаурусе героя-учителя:

- эпитеты (часто ироничные),
- метафорические высказывания,
- сравнительные конструкции.

Однако для героев юмористических рассказов Чехова не характерно использование красочных тропов. Особенностью речи персонажей является сочетание просторечных выражений и книжной лексики во внутренних монологах героев. Эмоционально-оценочные слова придают репликам Никитина живость и правдоподобность, свойственную произведениям русского реализма.

Еще стоит обратить внимание на различные синтаксические конструкции, которыми пользуется писатель, так как они тоже характеризуют языковую личность героя. Анализ художественного текста показывает, что определённое строение предложений может подтолкнуть нас к речевым интенциям, которые движут писательской идеей. В данном рассказе интересно анализировать вторую часть, так как именно в ней главной герой выступает в роли повествователя. Так, мы наблюдаем, что Антон Павлович практически не использует простые синтаксические конструкции, он любит или сложные предложения, или предложения с однородными членами, обособленными определениями и обстоятельствами. Однородные и обособленные члены предложения позволяют более подробно показать то или иное действие, что характеризует автора как последовательную, рассудительную языковую личность, которая стремится не останавливаться, а идти вперёд. В сложных же предложениях приоритет отдаётся бессоюзным и сложноподчиненным конструкциям или предложениям с несколькими видами связи. Простые предложения Чехов использует в том случае, если оформляет вопросительную цель высказывания или в предложении с восклицательной интонацией. Также интересны своеобразные предложения-выводы, которые возникают после одного из ССЦ (сложного синтаксического целого) и подводят своеобразный итог.

В «Скучной истории» А.П. Чехов раскрывает образ учителя посредством дневниковых записей самого героя. Мы знакомимся с профессором, который всю свою жизнь посвятил преподавательской деятельности. Этот герой, вероятно, более других склонен к рефлексии, что и становится причиной тоски, неудовлетворённости, наполняющей его жизнь (эти эмоции и чувства формируют *мотивационный уровень языковой личности* главного героя).

Некоторыми исследователями, например, Л. Грозовым, высказывались предположения, что герой сомневается в пользе своей деятельности, потому что является «представителем «чистой» науки». Преподавание для него – это только одна из сторон служения науке. Такой персонаж появляется как отголосок постоянного желания Чехова быть полезным медицине в большей степени, нежели это у него получалось. Однако мы придерживаемся иной точки зрения. Профессиональная деятельность – образующая доминанта концептосферы данного персонажа. В отличие от Никитина из «Учителя словесности» герой «Скучной истории» не склонен к семейности, его забота и внимание связаны с желанием учить, даже в обычной жизни он не хочет оставить своё поприще, роль главы семьи его беспокоит и даже раздражает.

Чехов детально показывает нам смену настроения героя, попадающего из гнетущей обстановки дома в университет: «Чувствуешь что-то особенное, когда за дверью морем гудит аудитория. За тридцать лет я не привык к этому чувству и испытываю его каждое утро. Я нервно застёгиваю сюртук, задаю Николаю лишние

вопросы, сержусь... Похоже на то, как будто я трушу, но это не трусость, а что-то другое, чего я ни в состоянии ни назвать, ни описать» [Чехов, 1986]. Несмотря на усталость, бессонные ночи и проблемы в семье, герой испытывает волнение перед началом лекций, не говоря прямо, профессор описанием своего состояния даёт читателю возможность судить о том, является ли учительство его призванием. Дальнейшее описание лекционного занятия только убедит исследователя художественного текста в правильности его предположений. Те мысли о ведении уроков, которые мы находим в рассказе, по праву можно считать пособием по работе с учебными группами, причем, разных возрастов. Интересно также, что герой воспринимает занятия как некое соревнование с самим собой, но внешние факторы, воздействующие на состояние профессора, очень сильны и сказываются на стиле его преподавания в последнее время.

Мы видим, что герою «Скучной истории» свойственна принципиальность и требовательность к окружающим: семье, воспитаннице Кате, студентам. Профессор не даёт пустых советов, несмотря на то, что много размышляет и имеет мнение на любой обсуждаемый вопрос, однако предпочитает вдумчивое молчание пристрастным разговорам. Николай Степанович воспитывает в студентах характер, чем, конечно же, вызывает их искреннее негодование. Но читателем принимается даже его властная коммуникативная позиция в диалоге с «должником», требовательное отношение к себе даёт преподавателю право быть требовательным и к своим подопечным.

Для *языковой личности* Никитина нехарактерна частая смена времён, но мы наблюдаем переплетение реальности и вымышленного мира: так, сон профессора становится частью повествования, его воспоминания необходимы для понимания текущей ситуации. В описании событий, происходящих с героем, встречаются образные фигуры речи: эпитеты, метафорические высказывания, сравнения, которые свидетельствуют об организованной речевой деятельности и богатом тезаурусе героя-учителя. Поскольку этот рассказ сложно однозначно отнести к юмористической прозе Чехова, язык героя резко отличается от проанализированного нами ранее. Для создания *тезаурусного уровня языковой личности* профессора автору важно сформировать активный словарный запас, полный книжной лексики и тропов.

С точки зрения речевых интенций языковой личности данный рассказ интересно анализировать, так как повествование ведётся от первого лица, следовательно, может быть отнесено к мемуарной литературе.

«Разновидностями типа авторского присутствия в повествовании от первого лица будут: – автор-рассказчик; – герой-рассказчик; – рассказчик, не являющийся героем» [Широкова, 2014]. Автор-рассказчик выстраивает диалог с остальными героями произведений, является непосредственным участником, но при этом имеет больше полномочий, он негласно стоит над всеми, но не выказывает своё преимущество явно. Герой-рассказчик оценивает всё происходящее вокруг него, являясь непосредственным участником событий. Герой может быть как главным, так и второстепенным в происходящем, но для читателя он всегда будет стержнем произведения, центром,

вокруг которого все разворачивается, потому что автор позволяет читателю видеть мир именно его глазами.

Богатая речь профессора оформляется или при помощи сложных предложений, или при помощи предложений с однородными членами, обособленными определениями и обстоятельствами. В сложных же предложениях приоритет отдаётся бессоюзным или предложениям с несколькими видами связи. Простые предложения в речи профессора практически не используются.

Таким образом, мы видим, что Чехов формирует языковую личность персонажа в соответствии с теми задачами, которые ставятся перед писателем в период создания того или иного художественного произведения. На всех уровнях (вербально-семантическом; когнитивном или тезаурусном; мотивационно-прагматическом) герой-учитель в рассказах Чехова – сформировавшаяся личность, склонная к рефлексии, обладающая богатым тезаурусом. Определение концептосферы персонажей показало, что учительство для них является жизненной доминантой и во многом определяет мотивационный уровень языковой личности.

4. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное нами исследование показало, что образ и языковая личность учителя в рассказах Чехова становятся объектом тщательного писательского, а затем и читательского анализа. Детальность, динамичность, живость героев вызывают интерес у исследователей и позволяют квалифицировать произведения Чехова как образцы литературы русского реализма.

Поскольку основным инструментом писателя является слово, формальный и функциональный тезаурусы героев и повествователя рассматриваются в первую очередь. Затем исследование переходит в концептуальную сферу, происходит выделение основополагающих понятий. В следующую очередь рассматривается мотивационный уровень, на нём наиболее ярко проявляются поведенческие и языковые различия героев-учителей, выражающиеся в отношении к деятельности, семье и т.д. Важно отметить, что грамотное использование всей полноты словарного запаса; разнообразие грамматических форм и сложность синтаксических конструкций; присутствие в речи изобразительно-выразительных средств определяют вербально-семантический уровень языковой личности Никитина, Ипполита Ипполитовича и Николая Степановича. Мотивационный уровень языковой личности учителя в рассказах А.П. Чехова помогает нам установить связь лингвистики и литературоведения и дать оценку поступкам персонажей, а также раскрывает доминанты (концепты), которые являются для каждого героя личностнообразующими, – преподавание, воспитательная деятельность и семья (у Никитина).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Винокур Г.О. Избранные работы по русскому языку. Москва, 1959.
2. Жинкин Н.И. Речь как проводник информации. Москва: Наука, 1982.
3. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. Москва: Эдиториал, 1978/2010.
4. Кузьмина Г.Ш. Синергетика концептосферы С.Т. Аксакова как русской языковой личности в дилогии «Семейная хроника» и «Детские годы Багрова внука»: дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2005.
5. Сальникова В.В. Динамика лексического компонента образно-языковой картины мира ребенка: на материале книги С.Т. Аксакова «Детские годы Багрова-внука»: дис. ... канд. филол. наук. Бирск, 2001.
6. Серикова Т.Ю. История формирования понятия «образ» в гуманитарном знании // Мир науки, культуры и образования. 2010. № 4(23). С. 54-56.
7. Трещалина И.В. Языковая личность персонажа в прозе А.П. Чехова конца 80-х – начала 90-х годов: Лексико-семантический аспект: дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 1998.
8. Чехов А.П. Избранные произведения. Москва: Лениздат, 1967.
9. Чехов А.П. Избранные сочинения в двух томах. Том первый. Москва: «Художественная литература», 1986.
10. Широкова И. А. Образ автора в художественном произведении: отражение отражаемого // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 23 (352). С. 103-106.

REFERENCES

1. Chehov, A.P. (1967). *Izbrannye proizvedeniya [Selected works]*. Lenizdat (in Russian).
2. Chehov, A.P. (1968). *Izbrannye sochineniya v dvuh tomah. Tom pervi [Selected works in two volumes. Volume one]*. Moscow: Hudozhestvennaja literatura (in Russian).
3. Karaulov, Yu.N. (1978/2010). *Russkii yazik i yazikovaya lichnost [Russian language and language personality]*. Editorial (in Russian).
4. Kusmina, G.Sh. (2005). *Sinergetika konceptosferi S.T. Aksakova kak russkoi yazikovoï lichnosti v dilogii "Semeinaya hronika" i "Detskie godi Bagrova-vnuka" [Synergetics of the concept sphere Of S.T. Aksakov as a Russian language personality in the dilogy "Family chronicle" and "Childhood years of Bagrov-grandson"] (Candidate thesis)*. Bashkir State University, Ufa, Russia (in Russian).
5. Salnikova, V.V. (2001). *Dinamika leksicheskogo komponenta obrazno-yazikovoï kartini mira rebenka: na material knigi S.T. Aksakova "Detskie godi Bagrova-vnuka" [Dynamics of the lexical component of the image-language picture of the child's world: based on the book by S.T. Aksakov "the Childhood years of Bagrov-*

- the grandson”]* (Candidate thesis). Birk State Social and Pedagogical Academy, Birk, Russia (in Russian).
6. Serikova, T.Yu. (2010). Istoria formirovaniya ponyatiya “obraz” v gumanitarnom znanii [History of formation of the concept of image in the Humanities]. *Mir nauki, kul'tury i obrazovaniya* [World of science, culture and education], 4, 54-56 (in Russian).
 7. Shirokova, I.A. (2011). Obraz avtora v hudozhestvennom proizvedenii: otrazhenie otrazhaemogo [The image of the author in a work of art: reflection of the reflected]. *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 23(352), 103-106 (in Russian).
 8. Treshhalina, I.V. (1998). *Yazikovaya lichnost personaja v proze A.P. Chehova konca 80 – nachala 90 godov: leksiko – semanticheskii aspekt* [Language personality of a character in the prose of A.P. Chekhov of the late 80's-early 90's: Lexical and semantic aspect] (Candidate thesis). Tver State University, Tver, Russia (in Russian).
 9. Vinokur, G.O. (1959). Izbrannie raboti po russkomu yaziku [Selected works on the Russian language]. Moscow (in Russian).
 10. Zhinkin, N.I. (1982). *Rech kak provodnik informacii* [Speech as a conductor of information]. Moscow: Nauka (in Russian).

IMAGE AND LINGUISTIC PERSONALITY OF THE TEACHER (BASED ON SHORT STORIES BY ANTON CHEKHOV)

Anastasia I. Timofeeva
Tula Classical Orthodox Gymnasium (Tula, Russia)
ivimavi7@rambler.ru

The main purpose of this article is to introduce readers to the linguistic embodiment of the teacher's image in the short stories by A.P. Chekhov. In recent decades the linguistic personality of the characters of artistic works has often become the subject of thorough linguistic and literary analysis. A.P. Chekhov, being the master of humorous stories, aims at introducing certain features typical only for the images of characters representing various professions but at the same time corresponding to the genre of the work itself. Attention to details, many artistic features are the hallmark of this writer's work. A.P. Chekhov works through each image at all levels: structural, semantic and linguistic (thesaurus). That is why Chekhov's works arouse research interest among both literary critics and linguists. The linguistic personality of the teacher in Chekhov's stories is formed in accordance with the tasks that the writer sets at the time of the creation of the work (for example, a humorous short story, memoirs, etc.). Analysis

of the character's speech characteristics, the verbal portrait of the character allows us to identify the distinctive features of Chekhov's language and form an idea of the writer as a thinker and researcher of the native language. Working on the semantic level of the linguistic personality allows to reflect on the moral and ethical potential of the characters of Anton Chekhov's stories.

Key words: linguistic personality, the linguistic image of the teacher, Anton Chekhov, syntax, conceptual sphere, thesaurus.

How to cite this article:

Timofeeva, A.I. (2020). Image and linguistic personality of the teacher (based on short stories by Anton Chekhov). *Professional Discourse & Communication*, 2 (3), 85-99 (in Russian). <https://doi.org/10.24833/2687-0126-2020-2-3-85-99>

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License